рают... в лепоту бо и живописец собирает отвсюду и тщится описати не токмо видимыя вещи века сего, но и невидимых касается начертанием. Земным вещми воявление производит, да видимыми знамении не видимаго разумевают, невидимая от создания мира тварми разумеваема видима бывают".[1] То есть подобно тому как трудолюбивые пчелы, много раз облетая поля, собирают в одни соты прекрасную и полезную сладость благоухающих цветов, так и живописец собирает отовсюду и при помощи собранного старается изобразить не только виденные им современные ему вещи, но рисует также вещи, им не виденные. Он представляет их через посредство существующих вещей, чтобы при помощи видимого рисунка люди узнавали то, что не видели; невидимое, существовавшее в прошлом, будучи познано, может сделаться видимым.

Если задача искусства состоит в изображении видимых и познаваемых вещей путем создания их подобия, подражая им, то тот род искусства будет выше, который сможет передать подобие этих вещей лучше, полнее, нагляднее. Именно в этом, по мнению Симона Ушакова, заключается преимущество живописи. Она „по толику протчиа виды (искусства) превосходит, по елику тончае и живее вещь предприятую вообразует, подобие всех качеств светлее (т. е. яснее) предъявляюще".[2] В том же „Слове" Симона Ушакова рассказывается, как мы помним, о Василии Великом, который, намереваясь выступить с речью в похвалу святому Варлааму, признал себя побежденным художником, изобразившим подвиги святого лучше, нагляднее, выразительнее, чем он, оратор, мог бы это сделать словом.[3]

В исследованиях, посвященных древнерусскому искусству, последнее очень часто истолковывается как искусство символическое и мистическое, сознательно противопоставляющее себя действительности. В отношении рассматриваемых произведений письменности XVII века можно уже сейчас заметить, что в их истолковании искусства вовсе нет места какому-либо мистицизму, что последний чужд им. Они также далеки и от символического толкования искусства, понимания изображений как условных формул, выражающих некие отвлеченные идеи. Напротив, все рассуждения их противоречат подобного рода взглядам.

Авторы рассматриваемых сочинений разделяют мысль о сходстве искусства и литературы, живописного изображения и слова, решающих разными средствами одни и те же задачи. Грамота 1668 года называет изображения неусыпными учеными, проповедниками или ораторами („образы суть учении нецыи и проповедницы неусыпнии или ветии").[4] Постоянно проводится сравнение изображения с книгой, сделанное И. Дамаскиным. Часто повторяется мнение, что живопись передает содержание лучше, нежели слово. „Прилежнейшии живописцы, — пишет Симеон Полоцкий, ссылаясь на Григория Богослова, — многащи налогают шары (т. е. краски), да совершеншее слова писание предпоставляя".[5] Эта мысль о сходстве живописного изображения и слова — одна из тех мыслей, высказанных русскими авторами XVII века, которые повторялись в разные эпохи и пережили многие столетия. В грамоте 1668 года в подтверждение своей мысли автор приводит изречение античного поэта VI века до н. э. Симонида: „непогреший убо Симонид,

---

[1] Указ. рукопись, л. 16.
[2] Вестник Общества древнерусского искусства..., стр. 22.
[3] Там же, стр. 24.
[4] П. Пекарский. Материалы, стлб. 323—324.
[5] Указ. рукопись, л. 15 об.